

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ДЕЗЕРТИРСТВА: ОТ ЦАРСКОЙ АРМИИ К КРАСНОЙ АРМИИ, 1914–1921

В такой огромной и сложной стране как Россия массовая мобилизация населения всегда была «своего рода экзаменом сразу по многим предметам, которые предстояло сдавать и правительству, и администрации, и населению» [1, с. 10]. Трудность и непредсказуемость подобного испытания многократно увеличились в годы революции и небывалой по масштабам войны, когда количество «бегунцов» шло на миллионы. Проблема массового дезертирства гражданской войны была в большой степени «унаследована» от царской армии, армии революционного 1917 г.

После бурной вспышки патриотического подъема начала «Второй Отечественной» наступили тягостные будни «мировой бойни», а «великое отступление» 1915 г. вылилось в разрастание дезертирства, уклонения от призыва. На секретном заседании Совета министров 4 августа 1915 г. по поводу вопроса о привлечении в ряды действующих войск «ратников ополчения II разряда» было оглашено заявление министра внутренних дел: «Полиция не в силах справиться с массой уклоняющихся; люди прячутся по лесам и в несжатом хлебе». В докладной записке Николаю II (ноябрь 1916 г.) значилось, что из общего числа запаса нужно вычесть «два миллиона людей, состоявших из оставшихся в занятых неприятелем областях, эмигрантов и незаконно уклонившихся от несения военной службы» [2, с. 234]. В среднем каждую неделю по Петроградскому военному округу задерживалось в конце 1915 г. 211 дезертиров, по Двинскому округу 462 человека, а в конце 1916 г. – уже 1479 дезертиров [3, с. 30].

1917 год дал бурное развитие дезертирству, несмотря на меры по его сдерживанию, которые не были планомерными и последовательными и не находили должного отклика в солдатских массах. «Демократизация» армии привели к тому, что за первую половину марта из запасных частей Западного фронта самовольно ушли 3 тыс. солдат. В армиях Северного и Западного фронтов с 1 по 7 апреля количество дезертиров составило 7688 человек [4, с. 326]. Наводнившие тыл дезертиры мгновенно стали

одной из характерных черт эпохи. В столице, по воспоминаниям дочери британского посла Д. Бьюкенена, «сотни солдат, дезертировавших с фронта, грязных и оборванных, наводняли улицы, празднично толкались на перекрестках, слушая речи агитаторов и экстремистов, или бесцельно катались на трамваях, набиваясь на крыши вагонов и гроздьями свисая с подножек» [5, с. 175]. До Февральской революции дезертировали 201 381 человек, а к 1 сентября 1917 г. таковых было уже 1865 тыс. [6, с. 260].

Массовое дезертирство 1917 г. в большевистской пропаганде, а потом и в советской историографии трактовалось как симптом тяжелой болезни государства, как прогрессивное и революционное (пусть и в большинстве своем стихийно-бессознательное) действие. Дезертирство в «германскую» войну можно было понять: «До момента перехода власти в руки рабочих и крестьян на явление разложения можно было смотреть как на естественное, даже оправданное всем предыдущим ходом жизни» [7]. Соответственно, и отношение к дезертирам со стороны домочадцев виделось вполне радушным: «...и это было понятно. От петли кто же не убежит?» [8]. Но дезертир царской армии должен был изменить свое отношение к службе в войне гражданской. Но появились те, кто и «при царском режиме скрывались все время... думали, что теперь-то чего служить» [9, л. 61 об.]. Среди анкет дезертиров-красноармейцев встречаются упоминания об их опыте бегства из «старой армии».

Дезертиры стали «предвестниками большевизма» в деревне, где настроения царили вполне определенные: «... скотину безо всяких пускайте по помещиков земли и паште... берите в руки сейчас, и мы здесь не бросим оружие... и домой придем с винтовками» [10, с. 13]. Целый «дайджест» с мест о влиянии дезертиров на революционную обстановку привел в «Истории русской революции» Л.Д. Троцкий. Началась настоящая борьба за солдата между «пораженцами» и сторонниками «войны до победного конца». В стихотворении того времени крах армии описывался следующими словами:

Подлинно настала не жите – малина,
Нонеча солдат
Позабыл, что значит слово дисциплина
Да и вспомнит вряд ль... [11, с. 10]

Радикальный перелом в 1917 г. произошел не только в государстве, но и в умах. Если мобилизации мировой войны, особенно 1914 г., были во многом обусловлены инерцией прошлых призывов, исторической памятью народа, то после Февраля умы отравляло сладкое слово «свобода». Казалось, что все проблемы позади, и вместе с весной 1917 г. на русской земле наступал рай. Октябрь дополнил эту жажду жить конкретной материальной ценностью огромного морального значения: землей. Война окончательно потеряла свою важность. Началось повальное «голосование ногами».

Крушение старой армии и хозяйственная разруха не располагали к тому, чтобы армия крестьян и рабочих могла избежать такой вневременной болезни как дезертирство. Масштабные боевые действия, чрезвычайные мобилизационные меры большевистской власти сделали каждого, по выражению лидера эсеров В.М. Чернова, «военнообязанным крепостным воюющего государства», которое неотступно требовало себе «...всего человека – всего без остатка...» [12, с. 12]. Ф.И. Дан в своих воспоминаниях вложил в уста собеседника-конвоира мрачную шутку о трехмиллионной Красной Армии: «миллион бежит, миллион сидит, миллион ловит и водит» [13, с. 66] О. Файджес писал о 4 млн. дезертиров Красной Армии за годы гражданской войны [14, р. 599]. По подсчетам Г.Ф. Кривошеева, было «выявлено» за всю войну 2846 тыс. дезертиров, из них 837 тыс. задержано [15, с. 94]. Дезертирство было проблемой для всех сторон гражданской войны. А. Ренсом сообщал о полном нежелании сражаться и красных, и белых за отсутствием у них осознанных политических убеждений. Скучное снабжение влекло за собой массовое дезертирство и переход на сторону врага, из армии которого они вскоре с немалой долей вероятности бежали вновь [16]. Член Северо-западного правительства Н.Н. Иванов писал, что народ не принял ни красных, ни белых и участвовал в войне весьма нехотя.

Для того чтобы власть могла требовать от народа поведения с учетом правовых и моральных норм, нужны, в конечном счете, сложившиеся и признанные нормы. Если для той или иной ситуации такой нормы нет, то индивид вынужден действовать по своему разумению, на основании личной оценки сложившейся обстановки, а также исходя из целей и потребностей – собственных и своих близких. Феномен массового дезертирства можно рассматривать в качестве одной из сторон деформирования обще-

ства и личности, попытки устроиться в постоянно меняющейся среде. Можно рассматривать дезертирство как не просто девиантное поведение, но широкое явление, возникшее при разрыве с прежней системой ценностей и сломе не только старого государственного аппарата, но и относительно стабильного и безопасного уклада жизни.

В каждую эпоху в отношениях государства и подданного преобладает одна из двух «архетипических социокультурных моделей коммуникации» – «договор» или «вручение себя во власть другого» [17, с. 145]. Крестьянское чувство безысходности и зависимости от высших сил нашли свое отражение в строках Ф.А. Степуна: «Солдатская вера как была, так и будет все той же: царь приказал, Бог попустил, деваться некуда, а впрочем, на миру и смерть красна...» [18, с. 349] Абсолютное большинство солдат-красноармейцев – крестьяне, и их менталитет был соответствующим. Исследователь А.В. Посадский выделял в крестьянских настроениях Первой мировой войны мотив долженствования («потому что “надо”»), соответственно, они ждали от правительства исполнения своей части «договора», главным образом, в отношении семей мобилизованных [19, с. 540]. В исследовании о Первой мировой войне М.В. Оськин сделал важный обобщающий вывод: «Дезертирство... есть явление именно крестьянское, так как крестьянин почитает войну не просто за ненормальное состояние человеческого социума, но за такое его состояние, которое выбивает человека из его многовековой включенности в природу как органичной части» [20, с. 269]. Война для крестьян принимала обличье Божьего наказания за грехи, служба носила характер религиозного ритуала. Быть призванным или избежать службы – вопрос фатального характера. В частушке начала XX в. пелось: «... с судьбой хорошей зародился, и в солдаты не попал» [21, с. 224].

Большинство дезертиров в XVIII–XIX вв. представляли окраинные народы России, масштабы их бегства из армии и уклонения от призывов даже отдаленно не напоминали масштабы явления в рассматриваемый период. В 1914–1916 гг. «психологическая мотивация дезертирства была неоднозначной, не носила ни явно антивоенного или пацифистского характера, ни признаков откровенной трусости» [6, с. 260]. Антивоенные настроения крестьян нельзя считать проявлением их антипатриотичности или антигосударственности, или же антисоветизма. Представления о пат-

риотизме, как о необходимости с оружием в руках защищать лишь свою волость или губернию крепко сидели в крестьянских головах и до революции, что неоднократно фиксировалось исследователями Первой мировой войны. По мере нарастания протестного движения в тылу, ухудшения ситуации на фронте, падения авторитета царя и сакральности власти, проявился принцип, прилагаемый и к гражданской войне: «Хуже, чем на позиции не будет, а когда вернемся – простят». В сводках ЧК за 1920 г. отмечалось, что в дезертирской среде отсутствует политическая мотивация не служить Советской власти, а преобладает мнение не служить вообще никому [22, с. 167].

После небывалого по масштабам истощения сил в 1914–1917 гг. страна повергается в гражданскую войну с очередными массовыми мобилизациями, хотя в 1917 г. «русский крестьянин отступал в деревню с намерением никогда больше не воевать» [23, с. 3]. По словам Л.Д. Троцкого, «ненависть к войне и военщине к началу нашей революции отравила всех рабочих и крестьян» [24]. В телеграмме от 2 марта 1918 г. бегущие с фронта солдатские массы характеризовались как «морально испорченные» четырехлетней бойней [25, л. 3]. В.И. Ленин понимал всю сложность организации армии в стране, «где народ сам смял войну и сам разбил старую армию...» [26, с. 75]. Полемизируя с «белогвардейским» взглядом на дезертирство, как на активное сопротивление советской власти, К.В. Скерский определил его как «естественную реакцию до последней степени переутомленного и надломленного тяготами войны коллективно-организма армии» [27, с. 109].

В годы Первой мировой войны крестьяне Казанского уезда (Самарская губерния) объясняли свои выступления против мобилизации следующим образом: они «идут на войну, а дома у них остались неубранные поля и голодные жены и дети, что им надо денег, для того, чтобы не умерли с голоду семьи» [28, с. 522]. Осознание факта, что на государство надежды нет, что благополучие семьи зависит лишь от себя самого, давно сложилось в крестьянской среде. Мобилизации 1914 г. сопровождалась тревогой за судьбы родных, «которых не кормили в Японскую войну и не давали им пособия» [1, с. 532]. Прославившийся впоследствии, в том числе на ниве борьбы с дезертирством, поэт Демьян Бедный, писал в 1917 г. о трудном положении семьи солдата: «За наборами –боры. Все хозяйство

без опоры». В споре с дезертирами-красноармейцами, оправдывающими свое преступление, А.М. Коллонтай классифицировала их доводы следующим образом. На первом месте стояло беспокойство за судьбу близких: «Я тут, на фронте, а кто знает, не голодает ли моя семья?» Отдельно рассмотрено дезертирство во время полевых работ: «Если не вернусь домой, кто снимет жатву с моей полосы?» Далее следовали те, кому не ясны цели этой войны и оставившие фронт «из трусости, из позорной трусости» [29, с. 3–4].

Часто родные своими письмами сами провоцировали солдата на побег. Дезертир «застревал» дома и продолжал свое падение. Фактор влияния полевых работ в деревне на «демобилизационные» настроения устойчиво фиксировался в годы мировой войны. По данным негласного наблюдения за крестьянами Пензенской губернии в апреле 1916 г., при призыве отмечались массовые случаи высказываний недовольства, хотя те и «привыкли собирать людей на войну» [30, с. 665]. В июне 1919 г. Центральная комиссия по борьбе с дезертирством считала необходимым официально разрешить красноармейцам краткосрочные отпуска для выполнения хозяйственных работ», признав физическую невозможность удержать их в эти периоды в частях [31, л. 1]. Увеличение дезертирства на Северо-Западе осенью 1920 г. в сводках ВЧК объяснялось именно прекращением отпусков.

«Лакмусовой бумажкой» восприятия населением мировой войны стало широкое укрывательство беглецов из армии. В годы мировой войны в отчетах губернаторов встречались сообщения о случаях, когда односельчане буквально отбивали у полиции задержанных дезертиров. За месяц до февральских событий 1917 г. военный атташе Великобритании А. Нокс информировал о миллионе дезертиров русской армии, которые «...живут в своих деревнях, власти их не беспокоят, их скрывают сельские общины, которым нужен их труд». В 1917 г. по свидетельствам А.И. Деникина укрывательством «бегунцов» было одной из главных «специальностей» советов депутатов. Начиная с конца 1918 г., советская власть столкнулась с крестьянскими восстаниями на почве мобилизаций в Красную Армию преимущественно в регионах, «привыкших» к укрывательству дезертиров в предыдущую войну: именно они составили костяк «зеленого» движения. Некий прообраз «зеленых» мы можем наблюдать и до гражданской войны. Так, «Биржевые ведомости» писали в июле

1917 г.: «В последнее время появился особый тип дезертиров: солдат, не покидающих с бегством из частей своего оружия. В некоторых районах дезертиры стали образовывать организованные банды, терроризирующие население и оказывающие вооруженное сопротивление... Не имея возможности пробраться в глубокий тыл, они остаются в городах и местечках, прилегающих к району военных действий» [32].

Дезертиров образца 1917 г. можно назвать «лучшими проводниками идей пораженчества», так как им было нужно прикрыться идейными мотивами. Какими бы вескими причинами ни был вызван акт дезертирства, он во все времена считался предательским и подлым деянием. Н.Х. Реден, говоря о распаде русской армии осенью 1917 г., писал: «Дезертиры, оставлявшие фронт, боялись общественного осуждения, пока большевики не ободрили их объединяющим кличем: “Мир – хижинам, война – дворцам!”. Подобные лозунги освободили дезертиров от чувства вины, они уже не являлись домой как побитые собаки, а напротив, как борцы за справедливое дело, готовые сражаться на внутреннем фронте» [33, с. 110]. В последующие годы такими оправданиями будут разговоры о непобедимых чудовищах белых – о танках, слухи о новой войне с немцами и т. д.

Дезертирство в рассматриваемый период – многосоставное явление, в основе которого лежал самый широкий комплекс причин. Таким образом, для борьбы с ним власти не ограничивались силовыми акциями, а вынуждены были работать на предупреждение данного военного преступления, побуждать дезертиров к возвращению в армию. Одновременно нужно было добиться от общества осознания всей вредности дезертирства. Многие приемы обличения дезертиров гражданской войны и даже целые сюжеты были почерпнуты из прошлого опыта: из газет периода мировой войны, в особенности из изданий оборонического толка 1917 г. Апеллирование к родным красноармейца, как к тем, кто удержит его от дезертирства весьма традиционно. Так, в одном из стихотворений периода Первой мировой войны беглец пытается учить жизни отца-ветерана, но получает от него достойную отповедь, после чего возвращается на фронт. Л.Д. Троцкий упоминал о сравнительно малом количестве дезертиров в казачьих частях осенью 1917 г. и объяснил это тем, что донцы и кубанцы «боялись своих стариков в станице» [34, с. 247]. В дальнейшем, образ же-

ны (матери) гонящей обратно на фронт мужа (сына)-дезертира будет часто воспроизводиться в плакатах, карикатурах и красных, и белых.

В борьбе с дезертирством были задействованы современные технические средства. В 1917 г. был выпущен кинофильм «Батальон 1 марта», направленный против дезертирства, на укрепление дисциплины в армии. Один из фильмов киножурнала «Свободная Россия» назывался «Дезертир-провокатор». К первой годовщине Красной Армии были выпущены 13 агитфильмов, среди которых «Беглец» и «Дезертиры». В качестве примера приведем «псевдоагитфильм» «Сон Тараса» (1919). По сюжету, красноармеец Тарас опился самогоном на посту и заснул. Ему приснилось, что он служит в царской армии и, бежав с поста, отправляется развлекаться. Его поймали и приговорили к расстрелу за дезертирство. Герой фильма проснулся и рассказал сон товарищам по роте, а те поздравили Тараса, что он служит в Красной Армии, а не в царской. Исследователь Н.А. Лебедев комментировал этот явно неудачный агитационный опыт так: «Мораль получалась более чем своеобразная: в царской армии за нарушение дисциплины – расстрел, а в Красной Армии – хоть пьянствуй, хоть спи на посту – никаких взысканий» [35].

Для борьбы с массовым дезертирством нельзя обойтись исключительно военными органами. Еще в сентябре 1915 г., когда уровень данного явления был несравнимо ниже, военное ведомство, сообщая в Министерство внутренних дел о побегах (вплоть до того, что «разбегается почти весь эшелон»), просило о содействии, так как «военное министерство... без помощи гражданской власти бессильно что-нибудь сделать» [20, с. 272]. Большевики учтут это и создадут в конце 1918 г. разветвленную систему территориальных комиссий по борьбе с дезертирством. Постановление СРКО «О дезертирстве» от 25 декабря 1918 г. предписывало привлекать к розыску дезертиров «все Советские учреждения» [36, с. 255]. Скажется это и в основной ставке советской власти не на агрессивно-силовые способы борьбы, а на агитационно-политические меры, экономические рычаги, организационные мероприятия (например, проведение «недель добровольной явки дезертиров»). Показательна и преемственность борьбы с дезертирством в юридическом и организационном плане. Так, документы, приложенные к «Руководству к декретам и постановлениям о дезертирах и дезертирстве», изданному в Петрограде в

1919 г., открываются извлечениями из «Военного устава о наказаниях» русской армии 1916 г.

Борьба с дезертирством в 1917 г., когда сам термин «дисциплина» представлялся чем-то старорежимно-враждебным, имела свою специфику. Тогда, по меткому замечанию О.В. Григорьева, «намного проще было осудить старшего офицера за грубость, нежели применить законные санкции к солдату-дезертиру» [37, с. 20]. Постановлением Временного правительства от 26 мая 1917 г. для последних были введены каторжные работы. Еще 9 марта в предписании генерала А. Лукомского начальникам штабов фронтов предлагалось принять все меры к задержанию дезертиров и возвращению их в части путем устройства облав в узловых пунктах. Кроме казачьих частей необходимо было привлекать полицейские команды и конных разведчиков. Заняв пост Верховного главнокомандующего, М.В. Алексеев в письме к военному министру А.И. Гучкову требовал санкцию на применение ряда мер в отношении дезертиров, а именно: «лишение семей дезертиров прав на паек, лишение права выбора в Учредительное собрание, лишение права на какое-либо земельное улучшение в будущем, и т. д.». Степень жесткости и решительности этих мер, а также их эффективности была весьма мала. Впоследствии советская власть будет активно применять экономические рычаги для наказания семей дезертиров, упреждения новых побегов.

С начала июля 1917 г. стали «эпизодически практиковаться» расстрелы дезертиров, применение оружия для установления порядка среди отступающих войск. Для борьбы с дезертирами на Юго-Западном фронте начали создаваться ударные батальоны. В октябре А.Ф. Керенский предлагал создать отдельную группировку до 150 тыс. человек для борьбы с дезертирами и погромщиками в тылу. Просветительскую работу в солдатской среде пытались вести армейские общественные организации. В протоколе заседания войскового комитета одного из полков Юго-Западного фронта от 30 апреля 1917 г. предлагалось ввести штрафы за укрывательство дезертиров, организовать летучие отряды, предавать суду дезертиров и лишать их политических прав. Кроме того, дезертиры «как изменники Родины и свободы не будут иметь права пользоваться всеми благами свободной России» [38, с. 80].

К главным причинам массового уклонения в годы гражданской войны Н.Н. Мовчин относил их фактическую безнаказанность [39, с. 129]. Описывая усредненный портрет крестьянина-дезертира, Л.Д. Троцкий добавил характерное: «Где могли, его привлекали к ответу» [40, с. 253]. Общепринятым стало мнение о том, что не суровость наказания, а его неотвратимость ведет к уменьшению числа преступлений. То, как разлагающе подействовали на армию в 1917 г. пустые угрозы, не подтверждаемые практикой, как это дискредитировало власть, описал А.И. Деникин: «Корнилов отдал приказ расстреливать дезертиров... но Революционная демократия стала вновь в резкую оппозицию к новому курсу, видя в нем посягательство на свободы и угрозу своему бытию... А солдатская масса вскоре разобралась в новом положении, увидела, что “страшные слова” – только слова, что смертная казнь – только пугало, ибо нет той действительной силы, которая могла бы сломить ее своеволие. *И страх вновь был потерян*» [41, с. 381, 384]. Слова расходились с делом и в годы гражданской войны: «Либо не обещаешь кар, а раз обещаешь – исполняй, чтобы каждый знал, что это – не пустая угроза» [42]. Так, все несдавшиеся до конца февраля 1919 г. дезертиры Новоржевского уезда Псковской губернии объявлялись вне закона и должны были «беспощадно расстреливаться, как контрреволюционный элемент» [42, л. 1]. Подобные угрозы были пустыми и в дальнейшем повторялись вновь и вновь, полностью утратив какой-либо смысл.

В рассмотрении темы дезертирства нельзя не коснуться схожего (по своей цели) военного преступления – саморанения (самострела). По свидетельству А.И. Деникина, в 1917 г. до 30% всех раненых и контуженных составляли раненые в пальцы и кисти руки [41, с. 394]. Немалое распространение это явление получило в годы гражданской войны. Советская пресса выдвинула лозунг: «Симулянт-самострельщик хуже дезертира». Основания для этого были серьезные: дезертира рано или поздно вновь вернут в строй, а самострельщик «...сберегает патрон белых – и делает свое презренное дело нашим красным патроном» [44]. В мае 1920 г. это явление приняло характер эпидемии в 15-й Армии: Р.А. Муклевич писал о нем, как о «массовом психозе, своего рода заболевании» [45, с. 99, 105].

Демьян Бедный, сравнивая отношение народа к «распроклятой злодейке службы царской» и Красной Армии, писал в стихотворении «Прежде и ныне» (1920 г.):

Прежде парни горевали,
Службы царской не любили,
Зубы с челюстями рвали,
Пальцы пачками рубили...
...Ныне метят в дезертиры
Лишь одни враги народа.

Но случаи членовредительства реже не стали. При прохождении медицинского освидетельствования и во время службы имела место симуляция болезни. Активно симулировали глухоту, туберкулез. Был широко известен способ «курить резину» перед осмотром. Искусственно вызывали кожные заболевания, язвы и т. п. В Петрограде в 1919 г. была раскрыта и расстреляна группа лиц, организовавших доходное дело по впрыскиванию под кожу желающим освободиться от службы состава на основе костяного масла [46]. Отголоски широкого распространения «самокалечения» находим в художественной литературе 20-х гг., например, у М.М. Зощенко в рассказе «Старый ветеран»:

– Можно, говорит, ногу ляписом прижечь или же купоросом.

– Да уж, говорю, я про это думал. Небось, чересчур больно и попасться можно.

По документам Петроградской губкомдезертир прослеживаются случаи посылки на врачебную комиссию вместо себя заведомо больного человека. Так, в 1920 г. был арестован некто Пешков, который, «не имея ни малейшего желания служить в Красной Армии», подкупил инвалида Белова сходить вместо него на приемную комиссию за 15 тыс. р. [47, л. 6] Такой способ уклонения широко применялся и ранее, став особо популярным в годы Первой мировой войны [48, с. 13].

Царская и советская власть неожиданно совпали в еще одном аспекте рассматриваемого вопроса: в отношении к отказывавшимся служить в армии по «религиозным убеждениям и велению совести». После Февральской революции члены религиозных организаций, провозглашавшие недопустимость брать в руки оружие, возвратились из ссылки, с каторги. 4 января

1919 г. уже новой властью был принят декрет об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям. Но вскоре он перестал исполняться, и «сектанты» повсеместно стали попадать под трибунал. На декабрь 1920 г. было расстреляно не менее 72 «дезертира божеского типа» [49; 50].

По справедливому замечанию У. Бреклинга и М. Сикоры, дезертиры – «...продукты военной системы. Без армий не было бы дезертирства». Нельзя рассматривать их в отрыве от истории вооруженных сил [51, р. 8]. Каждая армия производит собственных, «оригинальных», «уникальных» дезертиров, и сквозь призму дезертирства можно анализировать характерные особенности конкретной армии. Несмотря на это, мы видим массу типологических сходств дезертирства в царской армии, армии революционного 1917 г., Красной Армии. Это еще раз заставляет нас комплексно и безотрывно рассматривать историю «всероссийского потопа». Страна оставалась, по преимуществу, крестьянской, что определяло менталитет армии. Советская власть старалась учиться на ошибках прошлого, перенимать опыт. Победить «многомиллионного дезертира» ей не удалось, но выжить и создать огромную и боеспособную армию получилось, что было равносильно победе.

Дезертирство было определенной реакцией населения на глобальную трагедию, одной из стратегий выживания, «шкурничеством» в буквальном смысле слова. Самоустранение от войны было принципом поведения множества людей. Индивидуальное желание уклониться от мобилизации или дезертировать сочеталось с готовностью различных групп укрыть их. Такая поддержка санкционировала преступление. Представления о люфте между законом (государственной позицией) и справедливостью (народной правдой) играли на руку дезертирам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Посадский А.В.** Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 г. Саратов, 2002.
- 2. Головин Н.Н.** Россия в Первой мировой войне. М., 2006.
- 3. Валяев Я.В.** Трансформация ценностных представлений военнослужащих российской армии в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2011. № 4. Ч. 3. С. 28-31.
- 4. Ямщиков С.В.** Армейский фактор революций 1917 года в России // Россия в XX в.: Реформы и революции. Т. 1. М., 2002.

5. **Алексеева И.** Мириэль Бьюкенен. СПб., 1998.
6. **Поршнева О.С.** Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Дисс. на соискание уч. ст. доктора ист. наук. 07.00.02. - Екатеринбург, 2000. С. 359.
7. Известия Народного комиссариата по военным делам. 1918. 29 декабря.
8. Беднота. 1919. 31 января.
9. ЦГА СПб. Ф. 5275. Оп. 1. Д. 3.
10. Солдатские письма 1917 г. М.; Л., 1927.
11. Л.Ш. Дезертир. Б/м., 1917.
12. Че-Ка. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922.
13. **Дан Ф.И.** Два года скитаний. М., 2006.
14. **Figes O.** A People's Tragedy: The Russian Revolution: 1891–1924. N.Y., 1998.
15. **Кривошеев Г.Ф.** О дезертирстве в Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2001. №6.
16. **Ransome A.** The crisis in Russia. 1920. The Project Gutenberg EBook: <http://www.gutenberg.org/1/3/2/1326>
17. **Лотман Ю.М.** Избранные статьи. Т. 3. Таллинн, 1993.
18. **Степун Ф.А.** Из писем прапорщика-артиллериста. Нью-Йорк, 1956.
19. **Посадский А.В.** Всеобщая мобилизация русской армии в 1914 г. и крестьянство (по материалам Саратовской губернии) // Россия в XX в.: Реформы и революции. Т. 1. М., 2002.
20. **Оськин М.В.** Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М., 2011.
21. **Кормина Ж.В.** Проводы в армию в пореформенной России. М., 2005.
22. **Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А.** Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.). М., 2010.
23. **Смилга И.** Строительство армии. М., 1920.
24. Звезда. 1919. 7 марта.
25. ЦГА СПб. Ф. 5275. Оп. 7. Д. 1.
26. **Ленин В.И.** Полн. собр. соч. Т. 37.
27. **Скерский К.В.** Красная армия в освещении современников белых и иностранцев 1918–1924. М., Л., 1926.
28. **Кабытов П.С.** Антивоенные настроения российских крестьян // Россия в XX в.: Реформы и революции: В 2 т. Т. 1. М., 2002.
29. **Коллонтай А.М.** Не будь дезертиром. Киев, 1919.
30. **Сухова О.А.** Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008.
31. ГАРФ. Ф. Р–130. Оп. 3. Д. 1002.
32. Биржевые ведомости. 1917. 22 июля.
33. **Реден Н.** Сквозь ад русской революции. М., 2006.
34. **Троцкий Л.Д.** История русской революции. Т. 2. Ч. 1. М., 1997.
35. **Лебедев Н.А.** Очерки истории кино СССР. М., 1965. Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/kino/9.htm>.
36. Декреты Советской власти. Т. 4.
37. **Григорьев О.В.** Военно-судебная система России в период Временного правительства // Военно-юридический журнал. 2012. № 7. С. 20-24.

38. Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников. М., 2010.
39. **Мовчин Н.Н.** Комплектование Красной армии. М., 1926.
40. **Троцкий Л.Д.** Сочинения. Т. 17. М., 1925.
41. **Деникин А.И.** Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Мн., 2002.
42. Правда. 1919. 17 июня.
43. ГАПО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 91.
44. Петроградская правда. 1919. 25 октября.
45. **Муклевич Р.** Политработа в боевой обстановке. М., 1926.
46. Известия Петросовета. 1919. 28 октября.
47. ЦГА СПб. Ф. 5275. Оп. 9. Д. 4.
48. См., напр.: **Пирейко А.В.** В тылу и на фронте империалистической войны. Л., 1926.
49. Архив Государственного музея истории религии. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6
50. Архив Государственного музея истории религии. Ф. 2. Оп. 23. Д. 16, 60.
51. **Bröckling U., Sikora M.** Armeen und ihre Deserteure. Göttingen, 1998.